

Научная статья
УДК 159.953
doi: 10.17223/2312461X/36/3

УПРАВЛЯЕМОЕ ЗАБВЕНИЕ: ЧЕТЫРЕ ТИПА АМНЕЗОГЕННЫХ ПРАКТИК

Вероника Валерьевна Нуркова^{1, 2, 3}
Алена Алексеевна Гофман³

^{1, 3} МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

² Институт общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия

^{1, 2} Nourkova@mail.ru

³ gofmanalena@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является конденсация эмпирического многообразия форм целенаправленного забывания к ограниченному числу качественно специфичных типов взаимодействия с эвокативными (провоцирующими воспоминания) объектами. Сначала проводится анализ позитивных функций селективного обратимого забывания на индивидуальном и коллективном уровнях. Затем обсуждаются методологические противоречия в трактовке взаимосвязи конструкторов коллективной и индивидуальной памяти. Для решения указанных противоречий предлагается рассматривать коллективную память как первичную по отношению к индивидуальной памяти. При этом коллективная память понимается как опосредствованная эвокативными объектами полиролевая деятельность, направленная на достижение позитивной групповой идентичности. Предлагается новая теоретическая рамка интерпретации процессов коллективного и индивидуального намеренного забывания, включающая в себя четыре типа активного взаимодействия с эвокативными объектами: игнорирование, деструкцию, функциональную замену и создание гиперстимулирующих эвокативных сред. Практики игнорирования оставляют эвокативный объект сохранным. Они осуществляются в форме физического дистанцирования, исключения нежелательных воспоминаний из коммуникации и маскировки эвокативных аспектов объекта. Практики деструкции подразумевают физическое уничтожение внешних условий, провоцирующих актуализацию мнемического следа события. Механизм практики функциональной замены заключается в интерференции эвокативного содержания объекта либо за счет его альтернативного использования, либо за счет создания альтернативного объекта со сходным функционалом. Практики создания гиперстимулирующих эвокативных объектов направлены на контроль и локализацию интенсивных мнемических реакций в социально санкционированных контекстах.

Ключевые слова: коллективное забывание, индивидуальное забывание, эвокативные объекты, намеренное забывание

Для цитирования: Нуркова В.В., Гофман А.А. Управляемое забывание: четыре типа амнезогенных практик // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 33–58. doi: 10.17223/2312461X/36/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/36/3

Guided Forgetting: Four Types of Amnesogenic Practices

Veronika V. Nourkova^{1,2}, Alena A. Gofman³

^{1,3} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

² *Institute for Social Sciences RANEPa, Moscow, Russian Federation*

¹ *Nourkova@mail.ru*

³ *gofmanalena@gmail.com*

Abstract. The aim of the article is to condense the empirical variety of forms of intentional forgetting to a limited number of qualitatively specific types of interaction with evocative (memory evoking) objects. First, an analysis of the positive functions of selective reversible forgetting at the individual and collective levels is carried out. Then methodological contradictions in the interpretation of the relationship between the constructs of collective and individual memory are discussed. To solve these contradictions, it is proposed to consider collective memory as primary in relation to individual memory. At the same time, collective memory is understood as a multirole activity mediated by evocative objects and aimed at achieving a positive group identity. The article proposes a new theoretical framework for interpreting the processes of collective and individual intentional forgetting, which includes four types of active interaction with evocative objects: ignoring, destruction, functional replacement and creation of hyperstimulating evocative environments. Ignoring practices leave the evocative object intact. They are carried out in the form of physical distancing, exclusion of unwanted memories from communication, and masking the evocative aspects of the object. The destructive practices imply the physical destruction of external conditions that provoke actualization of the mnemotic trace of the event. The mechanism of functional replacement consists in interfering with the evocative content of the object either through its alternative use, or by creating an alternative object with similar functionality. The practices of creating hyperstimulating evocative objects are aimed at controlling and localizing intense mnemonic reactions in socially sanctioned contexts.

Keywords: collective forgetting, individual forgetting, evocative objects, intentional forgetting

For citation: Nourkova, V.V. & Gofman, A.A. (2022) Guided Forgetting: Four Types of Amnesogenic Practices. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 33–58. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/3

В нашей ли власти выбирать, что помнить? Во всяком случае Фемистокл, которому то ли Симонид, то ли кто-то другой собирался преподавать искусство памяти, сказал: «Я бы предпочел искусство забывать, ибо помню то, чего не хочу помнить, и не могу забыть то, что хотел бы забыть». Цицерон («О пределах блага и зла», 2000: II, 32, 104)

Настороженность культуры относительно забывания зафиксирована в бесспорно негативной этимологии соответствующих лексических единиц.

Обыденное языковое сознание (Уфимцева 2011) представителей различных культур позиционирует забывание как антипамять, враждебную памяти силу. Однако в истории науки трактовка роли забывания как в психической жизни отдельного человека, так и в социальной жизни сообществ меняется от резкой критики к толерантности и даже апологии.

Реабилитация обратимого забывания

Совпадающая с обыденным языковым сознанием негативная оценка забывания фокусируется именно на сбое способности извлечь необходимый опыт прошлого. Поэтому главной задачей является противостояние забыванию (Assmann, Czaplicka 1995). Эту позицию емко выразил П. Рикёр: «Забвение прежде всего и в самом общем виде предстает как ущерб, нанесенный надежности памяти, – ущербность, слабость, пробел. В этом плане сама память определяется... как борьба против забвения» (Рикёр 2004: 574).

В то же время Рикёр предостерегает и от стремления к тотальной победе над забыванием, отдавая предпочтение «соразмерной памяти», где отменено полное уничтожение следов пережитого культурой или индивидом опыта, но допустим компромисс с «укрошенным» забыванием, которое автор называет «забыванием-резервом» (Рикёр 2004: 609). В психологической литературе различают проблемы отсутствия адекватного следа опыта и его доступности для воспроизведения (см. подробно: (Нуркова, Гофман 2016а)). В первом случае забывание связывается с физической деградацией следа памяти или его принципиальной модификацией. Забывание первого типа невосполнимо и подобно пожару в хранилище с уникальными рукописями. Во втором случае речь идет о создании обратимых помех извлечению мнемических следов при их достаточной сохранности (см. подробно: (Нуркова, Гофман 2016б)).

С. Норби (Nørby 2020) выделил четыре уровня обратимого забывания, расположив их по степени вероятности возвращения содержания в сознание: 1) немой (silent) включает фрагментированные следы опыта, не связанные в целостную репрезентацию события, которые, однако, способны стать частью нового мысленного эпизода и, таким образом, повторно войти в психологический репертуар; 2) ограниченный (restricted), для актуализации которого требуются уникальные ситуационные напоминания; 3) скрытый (latent), реагирующий на широкий круг напоминаний и легко осознаваемый при произвольном запросе и 4) мощный (potent), перманентно готовый для спонтанной актуализации. Хотя первые два из перечисленных уровней субъективно переживаются как забывание, даже они оставляют возможность включения прошлого опыта в текущую деятельность человека.

Переформулировка сути забывания в терминах селективности памяти привела к его «реабилитации» как способности воздерживаться от использования прошлого опыта в тех ситуациях, когда прошлое нерелевантно или враждебно текущим задачам.

Таким образом, с точки зрения современной психологии, забывание представляет собой ансамбль эволюционно сложившихся механизмов работы с информацией, которые модулируют доступность следов опыта в ответ на действие когнитивных (содержательная точность и полнота запроса), мотивационных (напряженность соответствующей потребности или конгруэнтность целевого содержания самооценке) и контекстных (присутствие стимулов-напоминаний) факторов.

Дискуссионным остается вопрос о возможности намеренного контроля этих механизмов (Нуркова, Гофман 2018). В отличие от целенаправленного запоминания, оснащенного мощным арсеналом средств фиксации, поиска и своевременной актуализации информации, реализация намерения забывать оставалась вне фокуса культурных усилий. Магистральный вектор развития культуры всегда был связан с сохранением и консервацией опыта, в то время как интерес к забыванию появлялся лишь в статусе досадной «работы над ошибками». Создание специальных амнезогенных технологий происходило на периферии культурного развития памяти.

Эмпирические исследования показывают, что достижение сознательной цели забыть хорошо известный материал оказывается эффективным лишь на непродолжительных временных интервалах, а затем оборачивается своей противоположностью, повышая вероятность узнавания запрещенных стимулов (Nourkova, Gofman, Kozlov 2018). Однако в случае овладения адекватными амнезогенными приемами (например, фрагментации слов на отдельные буквы и их чтения в заданном порядке или генерации ассоциаций к слову, перевод которого на вымышленный язык требовалось забыть) участникам экспериментов удавалось достаточно успешно снизить доступность целевого материала при отсроченном узнавании вопреки стремлению воспроизвести запрещенное ранее содержание (Гофман, Нуркова 2019). Таким образом, намеренное забывание в принципе возможно, хотя и относится к сфере недостаточно освоенных человеком когнитивных навыков.

«Добродетели» индивидуального забывания

В знаменитой работе 2001 г. Д. Шектер (2021) сформулировал «семь грехов памяти», связанных с забыванием. Дж.М. Фосетт и Дж.К. Халберт (Fawcett, Hulbert 2020) дали своеобразный «зеркальный ответ» Шектеру, включив в свой альтернативный ряд семь «добродетелей забывания»,

сгруппированных в три категории метафорическими фигурами Хранителя (Guardian), Библиотекаря (Librarian) и Изобретателя (Inventor).

Протективная функция забывания – Хранитель – объединяет умиротворение (serenity) и стабильность (stability), которые заключаются в редукции эмоционального компонента и деталей негативного опыта, угрожающего благополучию в настоящем. Такая «психологическая анестезия» позволяет извлекать уроки из травматичных событий прошлого, создавать и поддерживать устойчивую позитивную самооценку (без прессинга неудач прошлого) и, как результат, активно стремиться к достижению целей в будущем. Забывание здесь обеспечивает позитивную конструктивность памяти, позволяя дополнять обедненное забыванием воспоминание усиливающими желаемый образ себя качествами, а затем использовать его модифицированную версию для саморегуляции эмоций и мотивации (Nørby 2015; Nourkova, Vasilenko 2018).

Метафора Библиотекаря связана с оптимизацией познавательных процессов. Функция ясности (clarity) предполагает очищение содержания от деталей, которые не существенны для описания события. Функция ревизии (revision) направлена на коррекцию обнаруженных ошибок. Функция абстракции (abstraction) состоит в схематизации многообразного эмпирического опыта в обобщения более высокого порядка.

В образе Изобретателя авторы соединили функции вдохновения (inspiration) и переоткрытия (rediscovery). Под функцией вдохновения авторы подразумевают вклад забывания в преодоление сложившихся стереотипов восприятия и мышления, что важно для генерации новых творческих решений (Smith 2010). Функция переоткрытия обеспечивает «свежий взгляд» на привычные вещи.

Предложенная авторами номенклатура функционального потенциала забывания, по нашему мнению, требует расширения. Так, эффективное забывание критически необходимо для правильной временной ориентации в череде схожих повторяющихся событий, а также для поддержания выбранного направления и способа осуществления деятельности путем забывания отвергнутых альтернатив (Storm 2010). Однако важнейшей нам представляется проспективная функция забывания, т.е. нацеленная в будущее способность не вспоминать то, что противоречит нашим планам и стремлениям. Забывание также обладает существенным адаптивным потенциалом для социального взаимодействия (например, феномен прощения).

«Добродетели» коллективного забывания

Если бенефициаром индивидуального забывания является сам забывающий, то в случае коллективного забывания выгоду получает определенная социальная общность. По мнению В. Хёрста (Hirst 2020), для

коллективного забывания наиболее характерны функции, объединенные метафорой Хранителя, где целью охранения выступает позитивная групповая идентичность. Со стремлением сохранить позитивную национальную идентичность связывает интенсивное забывание массовой поддержки нацизма в постгитлеровской Германии Т. Адорно (2005). Д. Рифф (Rieff 2016) настаивает на миротворческой роли забывания в межгрупповой коммуникации.

Наиболее обсуждаемую номенклатуру функциональных доменов забывания для больших групп предложил П. Коннертон (Connerton 2008). Среди семи (еще один оммаж работе Шектера) выделенных им форм коллективного забывания две можно отнести к «ориентирам» по Хальбваксу (2007), т.е. к результатам санкционированных элитами воздействий на членов группы. Направленность «сверху вниз» обнаруживают: 1) репрессивное стирание, когда из пространства общественной коммуникации удаляются все напоминания об оппозиционных предшественниках и 2) предписывающее забывание, где «правила забывания» декларируются публично и полезны всем strатам общества, в частности обеспечивая примирение враждовавших ранее сторон.

Остальные пять форм коллективного забывания не являются результатом осознанной «политики памяти», представляя собой эффект немнемических по своей сути социальных процессов, т.е. направлены «снизу вверх». Так, термином «забывание, определяющее формирование новой идентичности», Коннертон обозначает исчезновение из коммуникативного обихода тех воспоминаний, которые не имеют отношения к актуальной идентичности группы. Ограниченность объема воспроизведения теми воспоминаниями, которые релевантны значимым на актуальном временном отрезке социальным отношениям, названа им структурной амнезией. Механизм «аннулирования» – это ослабление стремления к «живому» сохранению знаний в связи с техническим прогрессом в архивации и делегированием функции запоминания внешним по отношению к человеку системам. Сходное явление известно под названием «эффект Google», суть которого заключается в формировании нового гибридного типа памяти, когда человек запоминает алгоритм поиска нужного материала в сети, но не само его содержание (Sparrow, Liu, Wegner 2011). Быстрое обновление материальной среды и идеологического ландшафта требует забывания предшествующего опыта решения функционально аналогичных задач. Такое «запланированное устаревание» способствует обновлению социальных практик.

Коннертон завершает свою классификацию форм коллективного забывания мотивационно обусловленным вытеснением ассоциированных с коллективным стыдом и виной воспоминаний, называя его «униженное молчание». Как известно, идея о вытеснении из сознания травмирующих воспоминаний как о варианте психологической защиты восхо-

дит к З. Фрейду, который подчеркивал его активность, энергоемкость и обратимость (1998). В психоаналитической традиции постулируется, что удерживаемое от осознания воспоминание может претерпевать символическую трансформацию, прорываясь в сознание в сновидениях и творческой продукции, либо проявляться в форме патологических невротических и соматических симптомов. По аналогии можно предполагать, что «униженное молчание» групп объективируется не только в избегании воспоминаний определенной тематики, но также в тенденциях популярной культуры и в так называемых болезнях общества. Более того, за осознанием и разрешением конфликта амбивалентности полученной коллективной травмы должно следовать снятие эффектов забывания.

Таким образом, в настоящее время все большее число сторонников приобретает толерантная трактовка забывания, которая видит в забывании как минимум «побочные продукты желательных характеристик человеческой памяти» (Шектер 2021), а как максимум – полноправного участника «менеджмента памяти», в значительной степени ответственного за ее продуктивность (Wills 2008: 240). Более того, складывается междисциплинарная традиция апологии забывания (Bjork 1989; Michaelian 2011; Nørby 2015; Fawcett, Hulbert 2020; Karpicke, Coverdale 2020).

Индивидуальная и коллективная память: тезис, антитезис, синтез

Логика дальнейшего обсуждения требует отказа от интуитивно очевидного различения понятий «индивидуальная память» и «коллективная память» и изложения нашей позиции относительно их соотношения и стоящей за этими понятиями реальности.

Дж. Олик справедливо заметил, что «в литературе конкурируют две различные концепции коллективной памяти: одна относится к совокупности социально оформленных индивидуальных воспоминаний, а другая – к коллективным явлениям *suī generis*» (Olick 1999: 333). Мы настаиваем на том, что, во-первых, данные концепции не являются взаимоисключающими и, во-вторых, ни одна из них по отдельности не может задавать методологические и методические рамки оптимальной перспективы исследований. Остановимся подробнее на приведенной оппозиции.

Первую из альтернатив наиболее полно выражает высказывание А. Фанкенштейна: «Вспоминание – это ментальный акт, и, следовательно, оно абсолютно и полностью частное явление» (Funkenstein 1989: 6). Данный тезис согласуется с позицией автора концепции детерминации индивидуальной памяти социальными схемами организации опыта Ф.Ч. Бартлетта, прямо заявлявшего, что никакая группа или коллектив не могут обладать памятью либо другими психическими

функциями (Bartlett 1995: 293). Наиболее прямолинейно такая трактовка воплощается в практиках экспликации коллективной памяти путем суммирования единообразного и отсеечения различного в корпусе индивидуальных воспоминаний об общественно значимых событиях, действиях или временных периодах. Например, Т.П. Емельянова дает следующее определение: «...коллективная память представляет собой *разделяемые* (курсив наш. – В.Н., А.Г.) воспоминания об историческом прошлом, пропущенные через призму групповой идентичности, воссозданные с учетом и в контексте сегодняшних интересов и целей группы» (2019: 35). Аналогично Дж. Беллелли и соавт. относят к явлениям коллективной памяти «разделяемые (shared) воспоминания, поддерживающие переживание принадлежности к группе» (Bellelli, Curci, Leone 2007: 639). Несмотря на то, что большинство эмпирических исследований коллективной памяти выполнено в русле подобного «усредняющего» подхода, следует признать, что коллективная память в данной оптике – это не более чем метафора, наделяющая группу антропоморфными психическими способностями и редуцирующая суть феномена к описательной статистике (Gedi, Elam 1996; Труфанова 2020).

Противоположный полюс мышления в артикулированной Оликом дихотомии постулирует независимое от составляющих группу индивидов существование коллективной памяти. Эта линия интерпретации берет начало в теории реальности наиндивидуальных социальных фактов и представлений Эмиля Дюркгейма (1995). Экстремумом данной трактовки является полный отказ от учета свойств и ограничений индивидуального когнитивного аппарата при создании модели коллективной памяти (Green 2004). Коллективная память концептуализируется как некое «облачное» хранилище всех мыслимых (и немислимых) обобщенных форматов упорядочивания и содержательного наполнения истории группы, которые могут быть востребованы конкретной социальной ситуацией. «Единицами хранения» коллективной памяти признаются сущности, подобные «функциям» В. Проппа (2013), «схемам» Ф.Ч. Барлетта (1995), «социальным представлениям» С. Московиси (см.: (Moliner, Bovina 2020)) или «схематическим повествовательным шаблонам» Дж. Верча (Wertsch, Roediger 2008; Wertsch 2009). Информация в коллективной памяти не хранится пассивно, а имеет собственные законы развития и трансформации. Исходя из данной трактовки, содержание коллективной памяти не может быть исчерпывающе эксплицировано ни усреднением, ни суммой воспоминаний членов группы, но парциально выявляется в них. Однако признание самобытности коллективной памяти лишь заостряет проблему ее эмпирической непознаваемости *per se*. За скобками исследовательского понимания здесь остаются вопросы об источниках, субстрате и механизмах ее функционирования (Kansteiner 2002; Гарегезов 2013).

Преодоление методологического тупика параллелизма индивидуальной и коллективной памяти видится нам на пути их интеграции в единой линии последовательно развивающихся в антропо- и онтогенезе форм совместной полиролевой мнемической деятельности.

В контексте частого смешения понятий «коллективная память», «культурная память» и «социальная память», следует специально подчеркнуть, что все высшие формы жизнедеятельности человека являются социальными (т.е. коллективными) по источнику формирования и культурными по содержанию (Выготский 1982). Поэтому при решении поставленной проблемы речь идет не о вкладе социального и культурного в формирование индивидуального, а о субъекте коллективных мнемических процессов. Согласно нашей концепции, таким субъектом выступает социальная система, элементами которой являются связанные общими коммеморативными практиками индивиды, а системообразующий уровень представлен мотивацией создания и поддержания аффективно насыщенного переживания групповой идентичности. Достижение общих для группы мнемических целей (помнить или забыть), в свою очередь, подразумевает использование адекватных приемов. Такие приемы технически представляют собой организованные процедуры взаимодействия с эвокативными (evocative – вызывающий воспоминания, термин введен Ш. Таркль (Turkle 2011)) артефактами. В этом случае коллективная память группы должна пониматься как снятый момент взаимодействия между людьми, использующими схожий семиотический инструментарий. Можно сказать, что коллективная память и есть направленное на достижение мнемических целей и опосредствованное эвокативными объектами взаимодействие между социальными агентами.

Согласно предлагаемому подходу, адекватным методом изучения коллективной памяти является не усреднение индивидуальной мнемической продукции, а анализ процесса ее создания в ходе коллективного взаимодействия в семиотически насыщенном пространстве. Объектом исследования тогда становятся практики трех типов: совместное запоминание, совместное вспоминание и совместное забывание (Barnier, Sutton 2008; Hirst, Yamashiro, Coman 2018). Причем объем и содержание материала, который вносит или изымает каждый из социальных агентов, может быть качественно различен (Sutton 2008). Изучение самих эвокативных артефактов, в которых опредмечены наиндивидуальные аспекты коллективной памяти, и социальных практик их функционирования является неотъемлемой частью научно-исследовательской программы познания коллективной памяти.

Выступающий для нас методологическим ориентиром в интегральной трактовке коллективной памяти тезис о первичности коллективных форм символической деятельности над индивидуальными в ходе развития человеческой психики был четко сформулирован Л.С. Выготским:

«Каждая высшая психическая функция появляется в процессе развития поведения дважды: сначала как функция коллективного поведения, как форма сотрудничества или взаимодействия... а затем вторично как способ индивидуального поведения» (Выготский 1983: 197). Исходя из этого, мы считаем перспективным рассматривать целостную траекторию становления коллективной памяти в последовательности от реализуемых во внешней предметной деятельности коллективных мнемических актов к индивидуальным мнемическим практикам, опирающимся на освоенные ранее культурные технологии.

Четыре типа амнезогенных практик взаимодействия с эвокативными объектами

Опираясь на указанный методологический подход, мы предлагаем новую схему анализа организации забывания, рассматривая коллективное забывание как опосредствованное эвокативными объектами взаимодействие между членами группы, которое направлено на снижение вероятности воспоминания определенного содержания. В свою очередь, индивидуальное намеренное забывание является производным от коллективного и подразумевает исполнение аналога групповых действий забывания сначала во внешнем, а затем во внутреннем плане («в уме»). При этом коллективные культурные приемы создания амнезогенной ситуации могут либо воплощать разделяемую членами группы общую цель забвения, либо оставаться вне индивидуальных намерений. Во втором случае забывание наступает как побочный продукт деятельности с замаскированным мнемическим аспектом, т.е. члены группы забывают или кардинально изменяют свои воспоминания, не отдавая себе отчет в том, что были вовлечены в специфические амнезогенные формы активности.

Констатируя избыточность и неустойчивость классификационных признаков, представленных в изложенной выше литературе номенклатур доменов забывания, мы делаем вывод, что эмпирическое многообразие базовых амнезогенных практик может быть сведено к четырем основным типам – игнорированию, деструкции, функциональной замене и созданию гиперстимулирующих эвокативных объектов, различающимся по активному отношению к опредмечиваемому содержанию памяти эвокативному объекту. В объем понятия эвокативного объекта нами включаются как специально созданные для напоминания артефакты (памятники, сувениры, коммеморативные тексты и ритуалы), так и спонтанно получившие эвокативный потенциал природные и рукотворные объекты и даже социальные общности (поколения). В этом смысле денотат понятия эвокативного объекта близок тому, что П. Нора (1998) объединял метафорическим термином «места памяти». Одна-

ко если Нора, занимая позицию борца с забвением, озабочен сохранением мест памяти: «...без коммеморативной бдительности история быстро вымела бы их прочь» (1999: 27), то мы, напротив, сосредоточимся и на приемах дефункционализации эвокативных объектов.

Практики игнорирования эвокативных объектов

Технология активного игнорирования эвокативного потенциала элементов среды базируется на известной психологической закономерности: вероятность воспроизведения материала из памяти прямо пропорциональна частоте обращения к этому материалу в прошлом (Anderson, Schooler 1991). Но как воздержаться от воспоминания, когда сама среда «напоминает» снова и снова? Мы выделили три формы активного игнорирования эвокативных провокаций: самоустранение, молчание и маскировку.

Наиболее простым способом избежать напоминаний о фрустрирующем прошлом является самоустранение из эвокативной среды. Так, согласно популярной интерпретации (хотя и оспариваемой теологами), смыслом сорокалетнего скитания еврейского народа в Синайской пустыне было забвение рабской идентичности, необходимое для начала строительства нового суверенного государства. Безусловно, с точки зрения реальной географии региона продолжительность исхода из Египта выглядит гипертрофированно. Однако для нас важно подчеркнуть отраженную в данном легендарном событии двойственность мишеней забвения. С одной стороны, это – место травмы, а с другой – сама популяция носителей травмы. Иными словами, пространственное дистанцирование от эвокативных триггеров должно быть достаточно долговременным, чтобы прекратить своё существование в качестве компонента групповой идентичности.

Значимость мнемических последствий миграций больших групп не снижается тем фактом, что они преимущественно диктуются экономическими и политическими причинами. Впрочем, любые массовые перемещения внутренне противоречивы. С одной стороны, отсутствие наглядных следов коллективного прошлого действительно способно сократить частоту обращений к травмирующей тематике. С другой стороны, полная утрата корреспондирующего с травмой опыта несет в себе угрозу распада группы, ее ассимиляции в новом окружении. На индивидуальном уровне миграция влечет за собой практически неизбежный кризис идентичности, который с примерно равной вероятностью разрешается либо в пользу отказа от исходной идентичности, либо в пользу ее превращения в ведущую ценность личности (Солдатов, Шайгерова 2002). Аналогичные тенденции свойственны и групповым процессам, что показано, например, исследованиями четырех «волн» российской эмиграции в XX в. (Медведева, Бушуева 2016). Поэтому

оптимальная политика памяти группы, физически изолированной от эвокативных объектов, должна быть подчинена задаче сохранения позитивной идентичности и строиться как реинтерпретация травматического опыта в духе афоризма Ф. Ницше «То, что нас не убивает, делает нас сильнее» (2009).

В качестве примера такой политики памяти можно привести функциональную динамику коммеморации ирландской диаспорой в США «Ирландского картофельного голода» 1845–1849 гг., повлекшего эмиграцию более 20% населения. М. Келлехер (Kelleher 2002) отмечает, что вопреки фактам на рубеже XIX–XX вв. причиной катастрофического голода считались преступные действия британских властей – вывоз продовольствия с охваченного неурожаем острова. Такая концепция, во-первых, способствовала успешной интеграции ирландской диаспоры в американское общество, идентичность которого во многом опиралась на противопоставление Великобритании и независимость от нее и, во-вторых, открывала возможность героизации эмигрантов в качестве основателей новой Ирландии (пусть и в границах другого государства). Показателен в данном контексте двухступенчатый процесс создания мемориала к полуторавековой годовщине событий (Rowan Gillespie). Сначала он представлял собой группу изможденных фигур, плетущихся к порту в надежде спастись от голода на уходящем корабле. Однако через год после открытия мемориал существенно дополнили. В его основание были вмонтированы таблички с фамилиями 100 влиятельных ирландских семей, достигших успеха в США и Европе уже в XX в. Данная трансформация, по нашему мнению, точно отражает преобразование памяти о событии, ставшем причиной трагического разделения нации: беспомощное бегство от голода с родной земли приобрело статус старта последующего расцвета диаспоры, состоящей из потомков первых эмигрантов.

Другая тактика организации забывания за счет игнорирования заключается в запрете на включение воспоминаний, вызванных эвокативным объектом, в коммуникацию. Эвокативная среда остается на месте, но носители памяти ведут себя таким образом, как будто ее нет. Политика забывания здесь следует пословице «Кто прошлое помянет – тому глаз вон!». Однако молчание не обозначает забвения *per se*. Наоборот, синхронное кратковременное молчание может работать как мощный триггер памяти, принуждая группу прервать рутину и обратиться к общим воспоминаниям, поэтому практика минуты молчания входит в ритуал поминовения во многих странах. Иное дело – тотальное изъятие из коммуникативного обихода упоминаний о пережитом опыте. Например, в послевоенном учебнике истории СССР отсутствует упоминание о массовом голоде начала 1930-х гг., но утверждается, что «к концу 1932 г... деревня получила тракторы, комбайны и новейший

сельскохозяйственный инвентарь... Колхозы уничтожили основу классовой эксплуатации и нищеты в деревне... бывшие бедняки и середняки стали обеспеченными людьми» (Базилевич и др. 1952: 332). Протицированная серия утверждений должна была неизбежно вступать в диссонанс с личным опытом миллионов людей (Кондрашин 2008). Однако официально санкционированное через институты образования молчание успешно формировало мнемическую слепоту последующих поколений, привычно воспроизводящуюся и в позднесоветский период (Берхин, Федосов 1982).

Среди практик молчания В. Виночки-Серусси и К. Тигер (Vinitzky-Seroussi, Teeger 2010) выделяют особую форму – «скрытое молчание». В рамках «скрытого молчания» эвокативная отсылка формально остается интактной, но помещается в более широкий контекст и, вследствие этого, ее мнемический потенциал «размывается», перемещается на периферию коммеморативной деятельности. Например, Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции в 1991 г. был перестроен в Государственный музей политической истории России, где статус в целом сохраненной коллекции материалов о событиях 1917 г. снизился до фрагмента российской истории XIX–XXI вв.

Эффективным приемом игнорирования может выступать маскировка эвокативных аспектов объекта. Одной из практик данного типа является переименование, при котором сам объект остается полностью сохраненным и функционально включенным в жизнь группы, но утрачивает ассоциативную связь с тем, что подлежит забвению. Иллюстрацией служит кампания по реставрации исторических названий, развернувшаяся перед прекращением существования СССР. Отметим тот факт, что амнезирующие советское прошлое решения принимались до официального распада страны. Это свидетельствует о психологической готовности к последующим событиям (в 1990 г. Калинин было возвращено название Тверь, Горькому – Нижний Новгород, в течение 1991 г. Куйбышев стал Самарой, Ленинград – Санкт-Петербургом, Свердловск – Екатеринбург и т.д.). Важно подчеркнуть, что переименования с целью маскировки эвокативных аспектов объекта весьма селективны и представляют собой результат сопоставления психологических выгод и издержек забвения. Закономерным образом города Восточной Пруссии, взятые под юрисдикцию СССР после Победы в Великой Отечественной войне, до сего дня сохраняют свои советские названия (Кенигсберг – Калининград, Тильзит – Советск). Ведь в противном случае была бы подвергнута риску память о социально сверхценных событиях военного периода.

Аналогичные коллективным практикам игнорирования приемы забывания обнаруживаются и в индивидуальной мнемической активности: люди «бегут» от своих воспоминаний, меняя место жительства,

прощают обиды с обещанием никогда более не упоминать о них и обильно используют эвфемизмы, описывая наиболее болезненные эпизоды своего прошлого.

Практики деструкции эвокативных объектов

Наиболее радикальным способом достижения забывания является прямое уничтожение следа события. Понятно, что цена стратегии уничтожения может быть достаточно высока, так как вместе с эвокативной составляющей объекта разрушению подвергается весь его функционал. Так, в Древнем Риме в качестве особой формы посмертного наказания применялось «проклятие памяти» (*damnatio memoriae*) – полное уничтожение всех вещественных свидетельств жизни врага государства. Если осужденный «проклятию памяти» был императором, отзывались отчеканенные монеты с его изображением и аннулировались установленные им законы (Caroll 2011). Очевидно, что издержки чеканки новых денежных знаков и прорехи в законодательстве никого не смущали.

Гораздо проще дело обстоит с уничтожением памятников, которые не имеют иной функции кроме мемориальной. Упомянем уничтожение статуй французских королей и свержение Вандомской колонны во время Парижской коммуны 1871 г. После революции 1917 г. разграбление памятников захватило массы, став своеобразной *idée fixe* (Формозов 2006). Захлестнувшая в наши дни США и Европу «война с памятниками» прямо позиционируется как трансформация исторической памяти в свете актуальных гуманистических ценностей. Предполагается, что разрушение памятника стирает воспоминания о прежней апологетической версии жизненного пути героя, легитимизируя новую, инвективную.

Обратимся и к этнографическим данным. Согласно Д. Батталья (Battaglia 1990), мнемическая лексика гвинейского племени сабарл исчерпывается обозначениями эвокативных объектов – *raganiwohasik* («предмет, чтобы напоминать») и *pobunbunen* («потерять объект-напоминание»). Поэтому все акты памяти осуществляются во внешнем плане, а эвокативные объекты выступают ее единственным субстратом. После смерти члена племени люди сабарл исполняют ритуал коллективного забвения умершего, состоящий в уничтожении его вещей и перекрестном возвращении даров с целью освобождения от связей с духом мертвого.

Удивительны по своей логической выверенности ритуалы создания «эфмерных» памятников, функциональная сущность которых заключается во временной конденсации эвокативности для ее последующего разрушения. Такие ритуалы зафиксированы, например, в некоторых африканских и меланезийских культурах (Forty 1999). В ряде меланезийских племен, исследованных С. Кюхлер (Küchler 2002), частью по-

хоронного обряда является крайне трудоемкое изготовление ритуальной статуи – «malanggan», которая размещается на свежей могиле всего на одну ночь, а затем коллективно сжигается. Кюхлер интерпретирует смысл данного действия как акт материализации групповой памяти об усопшем, освобождение от которой сопровождается своеобразной экзистической разрядкой, «отпусканием» его в мир мертвых.

На индивидуальном уровне радикальное уничтожение эвокативных объектов используется как инструмент достижения забывания не только во внешнем, но и в идеальном плане. Именно на эту стратегию преимущественно опирается «ars oblivionis» – искусство забывания.

У. Эко (2016: 76–77) цитирует уроки забывания монаха XVI в. Ф. Джезуальдо, где тот излагает приемы борьбы с нежелательными образами: вообразив себя художником, закрасить мысленные картины; представить разрушительный вихрь, оставляющий после себя руины на месте вызванного из памяти образа, с последующим умственным возвращением в опустевшее пространство; увидеть внутренним взором ужасного и пугающего Врага (чем более жестоким, грубым и воинственным он будет, тем лучше), который вместе с вооруженными союзниками стремительно врывается в воображаемое пространство и бичами, палками и другим оружием выбивает прочь нежелательные образы. М. Каррутерс (Carruthers 2009), автор работ по исследованию мнемоник средних веков, в качестве одного из учителей «ars oblivionis» упоминает бельгийского мастера искусства памяти конца XVI в. Томаса Шенкеля, чьи летатехники крайне схожи с описанными выше – пространство памяти предлагалось очистить с помощью сильных порывов ветра, слуг, выметающих лишний сор, или безжалостных врагов, сносящих все на своем пути.

Спустя еще 400 лет другой мнемонист, скорее всего, не будучи знакомым с трудами европейских коллег прошлых веков, интуитивно пришел к аналогичным техникам. Пытаясь найти способ забыть, Соломон Шерешевский мысленно стирал написанное на доске, накрывал доску в своем воображении непроницаемой пленкой или сжигал ее. Однако для Шерешевского данные способы оказались неэффективными и так и не решили проблему контроля над образами памяти (Лурия 1968).

Практики функциональной замены эвокативных объектов

Психологические эксперименты свидетельствуют о наличии в индивидуальной психике «программы» активного сдерживания (inhibition) доступа к конкурирующим с осознаваемым в данный момент содержаниям памяти (Murayama et al. 2014). Данный механизм назван забыванием, индуцированным воспроизведением (retrieval-induced forgetting, RIF). Лабораторная процедура получения этого эффекта включает в

себя три этапа. На первом этапе испытуемым однократно предъявляются несколько пар стимулов типа «категория – пример» (допустим, «птица – соловей», «птица – канарейка», «дерево – осина», «дерево – ясень»). Затем проводится тренировка воспоминания одной из пар («птица – сол....?»). При финальном тестировании требуется вспомнить все пары. Об активном сдерживании воспроизведения именно тех стимулов, которые содержательно конкурируют с выбранными для повторения, свидетельствует то, что именно они (в нашем случае – «канарейка») оказываются забытыми значительно чаще, чем стимулы из других категорий («осина» и «ясень»). Вариантом RIF является феномен «амнезии непринятого решения», когда содержание обдуманных, но отвергнутых личностно значимых решений забывается, причем, чем значимее область, к которой непринятое решение относится, тем интенсивнее проявляется эффект (Chance, Norton 2008). RIF-эффект задокументирован также в коммуникативных ситуациях, где процесс воспроизведения разделен между несколькими людьми и касается сложных нарративов о прошлом (Hirst, Echterhoff 2012). Иными словами, когнитивная система активно тормозит отвергнутые ранее конкурирующие содержания в том случае, если в данный момент задача успешно решается за счет избранной альтернативы. При этом опыт сдерживания воспроизведения накапливается и приводит к устойчивому забыванию «старого» варианта.

Амнезогенные техники типа функциональной замены эксплуатируют описанный выше RIF-эффект. Функциональная замена может развиваться в двух направлениях. Во-первых, нежелательный эвокативный объект может быть заменен другим с аналогичными функциональными свойствами. В данном ключе, например, можно рассматривать введение выходного праздничного дня 4 ноября (День народного единства, отмечается с 2005 г.). Этот праздник выглядит функциональной заменой Дня Октябрьской революции 1917 г., с большим пафосом отмечавшегося 7 ноября и являвшегося главным официальным праздником СССР. Успех функциональной замены в данном случае обусловлен тем, что: 1) сохраняется функция праздника; 2) новый праздник близок по дате старому и, таким образом, удерживает привычный ритм смены трудовых и выходных дней («ноябрьские праздники») и 3) содержание нового праздника аналогично отсылает к конституирующему государственность историческому событию. В результате совокупного действия указанных факторов, по данным ВЦИОМ 2018 г. (www.wciom.ru) 42% респондентов утверждают, что действительно отмечают День народного единства. При этом большинство россиян знает о дате 7 ноября, но не воспроизводит ранее связанные с ней ритуалы.

Сходную идею функциональной замены можно усмотреть и в феномене модного потребления, когда еще добротные вещи заменяются но-

выми с целью «психологического обновления», т.е. субъективного дистанцирования от прошлого.

Во-вторых, эвокативность объекта может снижаться после того, как он приобретает новые функции. Так, одним из стандартных последствий смены господствующей идеологии, политической власти и экономического устройства является перепрофилирование носителей символов, утративших свои позиции. Так, после 1917 г. в рамках антирелигиозной кампании церковные здания приобретали широчайший спектр новых функций в диапазоне от музеев, образовательных и медицинских учреждений до тюрем, казарм и вокзалов. Аналогичный механизм, по нашему мнению, актуализирует создание новых символически насыщенных объектов на месте старых. Пожалуй, образцовым примером череды повторных функциональных замен такого типа является история района Пречистенки в Москве. Расположенный там Храм Христа Спасителя был впервые освящен в 1883 г. как памятник воинской славы героям Отечественной войны 1812 г., т.е. сразу создавался как квинтэссенция эвокативности. Взрыв построенного на народные пожертвования самого большого храма Российской империи в 1931 г., с одной стороны, следовал стратегии уничтожения объекта мощной эвокативной силы, а, с другой стороны, в рамках функциональной замены, освобождал место уже для главного здания СССР – Дворца Советов.

Показательно, что фрагменты декора храма пошли на облицовку станций строящегося метрополитена, войдя в еще один цикл функциональных замен. Строительство Дворца Советов было прервано войной на стадии закладки фундамента, так что в течение почти трех десятилетий зияющая пустота заброшенной стройки, наперекор воле властей, исполняла эвокативную функцию напоминания об уничтоженном соборе. Следующая функциональная замена произошла уже в 1960 г., когда по распоряжению Н.С. Хрущева фундамент главного здания социализма стал чашей открытого общедоступного городского бассейна «Москва», кстати, также самого крупного в мире. В свою очередь, в 2000 г. была завершена реконструкция храма на месте бассейна, тогда же храм был освящен. Таким образом, каждая новая постройка, включая неосуществленную, полностью отменяла предыдущие смыслы, становясь символом победившей идеологии.

Практики создания гиперстимулирующих эвокативных объектов

Одной из характеристик «хорошей памяти» является умение вспоминать, когда это уместно, и удерживаться от воспоминаний в иных обстоятельствах. Подобный контроль памяти может осуществляться через создание гиперстимулирующих эвокативных объектов, суть действия которых заключается в том, что, провоцируя запрограммирован-

ный интенсивный мнемический отклик в своем присутствии, они повышают порог реагирования в иных ситуациях.

В роли таких гиперстимулирующих объектов, успешно выполняющих функцию терапевтического забывания, выступают сохраненные мемориальные руины разрушенных войной зданий, которые окружены вновь отстроенными кварталами. В качестве примеров можно привести Атомный купол в Хиросиме, мельницу Гергардта в Волгограде, Гедехтнискирхе в Берлине. Подобные объекты психологически стягивают на себя травматичный опыт жителей, оставляя остальное пространство города свободным для обыденности. К этому же классу относится Национальный мемориал «11 сентября» на месте разрушенного террористическими атаками комплекса Всемирного торгового центра в Нижнем Манхэттене, представляющий собой заполненные водой фундаменты погибших зданий.

Симптоматичным в данном контексте представляется решение о повторной постройке копии утраченного здания. Такие реставрационные решения порой отстоят на десятилетия от исходного события и, по нашему мнению, во-первых, обозначают переход к стратегии функциональной замены, а во-вторых, сигнализируют о снижении эвокативного потенциала остальной территории до безопасного для идентичности членов группы уровня. Так, руины Фрауэнкирхе, зиявшие на протяжении всего существования ГДР в центре Дрездена, аккумулировали память о нацистском прошлом и неотвратимой коллективной расплате за него, одновременно легитимизируя туристический статус отреставрированных исторических зданий. Сразу после объединения Германии в 1989 г. началась кампания по сбору средств на восстановление этой церкви, которая была вновь открыта в 2005 г.

Логика амнезирующей гиперстимуляции аналогична и в индивидуальном поведении. Например, устанавливая на кладбище памятник близкому человеку, мы, с одной стороны, создаем определенное «место памяти», где мы предаемся воспоминаниям об умершем и скорбим по нему, с другой – делаем остальные связанные с ним знаки менее эвокативными.

Заключение

Итак, в современной гуманитарной науке признается, что способность целенаправленно забывать (в первую очередь, обратимо удерживаться от воспроизведения нежелательных воспоминаний) является нормой и приносит психологические выгоды как группе, так и индивиду.

Продуктивной стратегией снятия методологических противоречий в интерпретации механизмов коллективного и индивидуального забывания нам видится рассмотрение первого как опосредствованной эвокативными объектами полиролевой кооперации мотивированных под-

держанием позитивной групповой идентичности индивидов, а второго – как внедрения первично коллективных форм и технологий, обеспечивающих эффекты забывания, в механизмы функционирования индивидуальной мнемической сферы.

С нашей точки зрения, эмпирическое многообразие форм забывания может быть сведено к четырем основным типам, различающимся по активному отношению к опредмечиваемому содержанию памяти эвокативному объекту. Практики игнорирования осуществляются в форме самоустранения из эвокативной среды, исключения воспоминаний из коммуникации и маскировки эвокативных аспектов объекта. Практики деструкции подразумевают уничтожение внешних условий, провоцирующих актуализацию мнемического следа события. Механизм практики функциональной замены заключается в интерференции эвокативного содержания объекта либо за счет его альтернативного использования, либо за счет создания иного объекта со сходным функционалом. И, наконец, практики создания гиперстимулирующих эвокативных объектов направлены на контроль и локализацию мнемических реакций в социально санкционированных рамках.

Предложенная схема анализа позволяет в перспективе упорядочить многообразие феноменологии забывания и может быть полезна для более структурированного сотрудничества психологии с другими гуманитарными дисциплинами.

Список источников

- Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 36–45.
- Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР: учебник. 11-е изд. М.: Учпедгиз, 1952.
- Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР. 9-й класс : учеб. пособие / под ред. чл.-кор. АН СССР М.П. Кима. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1982.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 1–6.
- Гарагезов Р.Р. Коллективная память. Как создаются, сохраняются и воспроизводятся коллективные представления о прошлом. Баку: Элм, 2013.
- Гофман А.А., Нуркова В.В. Эффект отсроченного снижения узнавания знакомого материала как результат сочетания намерения забыть и приема генерирования ассоциаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Педагогика. Сер. 16. 2019. Т. 9, № 1. С. 57–76.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
- Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Институт психологии РАН, 2019.
- Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008.
- Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. М.: МГУ, 1968.
- Медведева Т.А., Бушуева С.В. Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 32–41.

- Ницше Ф. Изречения и стрелы. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер. М.: Культурная революция, 2009.
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 48–72.
- Нуркова В.В., Гофман А.А. Забывание: проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля. Часть 1 // Национальный психологический журнал. 2016а. Т. 23, № 3. С. 64–71.
- Нуркова В.В., Гофман А.А. Забывание: проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля. Часть 2 // Национальный психологический журнал. 2016б. Т. 24, № 4. С. 3–13.
- Нуркова В.В., Гофман А.А. Намеренное забывание: современное состояние и перспективы исследований // Национальный психологический журнал. 2018. Т. 31, № 3. С. 117–128.
- Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Рипол Классик, 2013.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
- Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Человек в экстремальных условиях. Психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 4. С. 66–82.
- Труфанова Е. Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 18–22.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006.
- Фрейд З. Вытеснение // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
- Цицерон Марк Туллий. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000.
- Шектер Д. Семь грехов памяти: Как наш мозг нас обманывает. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021.
- Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016.
- Anderson J.R., Schooler L.J. Reflections of the environment in memory // Psychological science. 1991. № 2. P. 396–408.
- Assmann J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity // New German critique. 1995. № 65. P. 125–133.
- Barnier A.J., Sutton J. From individual to collective memory: Theoretical and empirical perspectives // Memory. 2008. № 16 (3). P. 177–182.
- Bartlett F.C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge University Press, 1995.
- Battaglia D. On the bones of the serpent: person, memory, and mortality in Sabarl Island society. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
- Bellelli G., Curci A., Leone G. Social and cognitive determinants of collective memory for public events // Cambridge handbook of sociocultural psychology / eds. by J. Valsiner, A. Rosa. Cambridge University Press, 2007. P. 625–644.
- Bjork R.A. Retrieval inhibition as an adaptive mechanism in human memory // Varieties of memory and consciousness: Essays in honour of Endel Tulving / eds. by H.L. III Roediger, F.I.M. Craik. Lawrence Erlbaum Associates, 1989. P. 309–330.

- Carroll P.M. Memoria and Damnatio Memoriae. Preserving and erasing identities in Roman funerary commemoration // *Living through the Dead: Burial and commemoration in the Classical world. Studies in Funerary Archaeology* / eds. by P.M. Carroll, J. Rempel. Oxford; Oxford, 2011. P. 65–90.
- Carruthers M.J. Ars oblivionalis, ars inveniendi: The Cherub Figure and the Arts of Memory // *Gesta*. 2009. V. 48, № 2. P. 99–117.
- Chance Z., Norton M.I. Decision amnesia: Why taking your time leads to forgetting // *Advances in Consumer Research*. 2008. № 35. P. 55–58.
- Connerton P. Seven types of forgetting // *Memory studies*. 2008. № 1 (1). P. 59–71.
- Fawcett J.M., Hulbert J.C. The Many Faces of Forgetting: Toward a Constructive View of Forgetting in Everyday Life // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2020. № 9 (1). P. 1–18.
- Forty A. Introduction: The art of forgetting // *The art of forgetting* / eds. by A. Forty, S. Küchler. Oxford: Berg, 1999. P. 1–18.
- Funkenstein A. Collective memory and historical consciousness // *History and memory*. 1989. № 1 (1). P. 5–26.
- Gedi N., Elam Y. Collective memory – what is it? // *History and memory*. 1996. № 8 (1). P. 30–50.
- Green A. Individual remembering and ‘collective memory’: Theoretical presuppositions and contemporary debates // *Oral History*. 2004. № 32 (2). P. 35–44.
- Hirst W. Is Collective Forgetting Virtuous? // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2020. № 9 (1). P. 37–41.
- Hirst W., Yamashiro J.K., Coman A. Collective memory from a psychological perspective. *Trends in cognitive sciences*. 2018. № 22 (5). P. 438–451.
- Hirst W., Echterhoff G. Remembering in conversations: The social sharing and reshaping of memories // *Annual review of psychology*. 2012. № 63. P. 55–79.
- Kansteiner W. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies // *History and theory*. 2002. № 41 (2). P. 179–197.
- Karpicke J.D., Coverdale M.E. The Adaptive Value of Forgetting: A Direction for Future Research // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2020. № 9 (1). P. 33–36.
- Kelleher M. Hunger and history: Monuments to the Great Irish Famine // *Textual Practice*. 2002. № 16 (2). P. 249–276.
- Küchler S. *Malanggan: Art, Memory, and Sacrifice*. London and New York: Routledge, 2002.
- Michaelian K. The epistemology of forgetting // *Erkenntnis*. 2011. № 74 (3). P. 399–424.
- Moliner P., Bovina I.B. On Serge Moscovici’s 95th anniversary: The theory of social representations-history, postulates and dissemination // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2020. № 17 (3). P. 542–553.
- Murayama K., Miyatsu T., Buchli D., Storm B.C. Forgetting as a consequence of retrieval: A meta-analytic review of retrieval-induced forgetting // *Psychological Bulletin*. 2014. № 140 (5). P. 1383–1409.
- Nørby S. Why Forget? On the Adaptive Value of Memory Loss // *Perspectives on Psychological Science*. 2015. № 10 (5). P. 551–578.
- Nørby S. Varieties of graded forgetting // *Consciousness and Cognition*. 2020. № 84 (102983). P. 1–12.
- Nourkova V.V., Gofman A.A., Kozlov M.D. On the very-long-term effect of managing one’s own memory: The intention to forget improves recognition after a year’s delay // *Europe’s Journal of Psychology*. 2018. № 14 (4). P. 776–791.
- Nourkova V.V., Vasilenko D.A. On the advantage of autobiographical memory pliability: implantation of positive self-defining memories reduces trait anxiety // *Memory*. 2018. Vol. 26, № 7. P. 869–881.
- Olick J.K. Collective memory: The two cultures // *Sociological theory*. 1999. № 17 (3). P. 333–348.

- Rieff D. Against Remembrance // Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies / ed. by D. Rieff. New Haven: Yale University Press, 2016. P. 127–145.
- Smith S.M. Blocking Out Blocks: Adaptive Forgetting of Fixation in Memory, Problem Solving, and Creative Ideation // Successful Remembering and Successful Forgetting / ed. by A.S. Benjamin. New York: Psychology Press, 2010. P. 171–192.
- Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. 2011. № 333 (6043). P. 776–778.
- Storm B.C. Retrieval-induced forgetting and the resolution of competition // Successful Remembering and Successful Forgetting / ed. by A.S. Benjamin. New York: Psychology Press, 2010. P. 107–124.
- Sutton J. Between individual and collective memory: Coordination, interaction, distribution // Social research. 2008. № 75 (1). P. 23–48.
- Turkle S. What makes an object evocative? // Evocative objects: Things we think with / ed. by S. Turkle. Cambridge: MIT Press, 2011. P. 307–328.
- Vinitzky-Seroussi V., Teeger C. Unpacking the unspoken: Silence in collective memory and forgetting // Social forces. 2010. № 88 (3). P. 1103–1122.
- Wertsch J.V. Collective memory // Memory in mind and culture. 2009. P. 117–137.
- Wertsch J.V., Roediger III H.L. Collective memory: Conceptual foundations and theoretical approaches // Memory. 2008. № 16 (3). P. 318–326.
- Wills C.W. White ignorance // Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance / eds. by R.N. Proctor, L. Schiebinger). Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2008. P. 230–249.

References

- Adorno T. (2005) Chto znachit «prorabotka proshlogo» [What does “working through the past” mean?], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2-3, pp. 36–45.
- Bazilevich K.V., Bakhrushin S.V., Pankratova A.M., Fokht A.V. (1952) *Istoria SSSR. Uchebnik*. 11-e izd. Institut istorii Akademii nauk SSSR [History of USSR. Coursebook. 11th edition. Institute of History, USSR Academy of Sciences]. Moscow: Uchpedgiz.
- Berkhin I.B., Fedosov I.A. (1982) *Istoriia SSSR. 9 klass. Uchebnoe posobie*. Pod red. chl.-kor. AN SSSR M.P. Kima. 9-e izd., pererab. i dop. [History of USSR. 9th grade. School book. Ed. by corresponding member of the USSR Academy of Sciences M.P. Kim. 9th edition, revised and expanded]. Moscow: Prosveshchenie.
- Vygotskii L.S. (1982–1984) *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works. In 6 volumes]. Vol. 1 – 6. Moscow: Pedagogika,
- Garagezov R.R. (2013) *Kollektivnaia pamiat'. Kak sozdaiutsia, sokhraniatsia i vosproizvodiat'sia kollektivnye predstavleniia o proshlom* [Collective Memory. How collective representations of the past are created, preserved and reproduced]. Baku: Elm.
- Gofman A.A., Nurkova V.V. (2019) Effekt otsrochennogo snizheniia uznaniia znakomogo materiala kak rezul'tat sochetaniia namereniia zabyt' i priema generirovaniia assotsiatsii [The long-term effect of low recognition of to-be-forgotten items requires an intention to forget in conjunction with a means of doing so], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. Pedagogika. Seriya 16*, Vol. 9, no. 1, pp. 57–76.
- Durkheim E. (1995) *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* / Per. s fr., sostavlenie, posleslovie i primechaniia A.B. Gofmana [Sociology. Its subject, method, purpose / Transl. from French, compilation, afterword and notes by A.B. Gofman]. Moscow: Kanon.
- Emel'ianova T.P. (2019) *Kollektivnaia pamiat' o sobytiakh otechestvennoi istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod* [Collective memory of the events of Russian history: a socio-psychological approach]. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN».
- Kondrashin V.V. (2008) *Golod 1932–1933 godov: tragediia Rossiiskoi derevni* [The Famine of 1932-1933: the tragedy of the Russian village]. Moscow: ROSSPEN.

- Lurii A.R. (1968) *Malen'kaia knizhka o bol'shoi pamiati* [A small book of great memory]. Moscow: MGU.
- Medvedeva T.A., Bushueva S.V. (2016) Rossiiskoe zarubezh'e XX veka: osobennosti formirovaniia, adaptatsii i sokhraneniia natsional'noi identichnosti rossiiskoi emigratsii [The Russian diaspora of the twentieth century: the features of formation, adaptation and preservation of the national identity of the Russian emigration], *Vestnik NNGU*, no. 2, pp. 32–41.
- Nietzsche F. (2009) *Izrecheniia i strely. Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. T. 6: Sumerki idolov. Antikhrist. Ecce homo. Dionisovy diframby. Nietzsche contra Vagner* [Sayings and arrows. Complete works in 13 volumes. Vol. 6: Götzen-Dämmerung. Der Antichrist. Ecce Homo. Dionysos-Dithyramben. Nietzsche contra Wagner]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia.
- Nora P. (1998) Pokolenie kak mesto pamiati [Generation as a memory site], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2(30), pp. 48–72.
- Nora P. (1999) Mezhdru pamiat'iu i istoriei. Problematika mest pamiati [Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire]. In: *Frantsiia-pamiat'* [France-Memory] / P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, M. Winock. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 17–50.
- Nurkova V.V., Gofman A.A. (2016a) Zabyvanie: problema nalichiia sleda pamiati, ego dostupnosti i namerennogo kontroliia. Chast' 1 [Forgetting: availability, accessibility, and intentional control problem. Part 1], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 23, no. 3, pp. 64–71.
- Nurkova V.V., Gofman A.A. (2016b) Zabyvanie: problema nalichiia sleda pamiati, ego dostupnosti i namerennogo kontroliia. Chast' 2 [Forgetting: availability, accessibility, and intentional control problem. Part 2], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 24, no. 4, pp. 3–13.
- Nurkova V.V., Gofman A.A. (2018) Namerennoe zabyvanie: sovremennoe sostoiianie i perspektivy issledovaniia [Intentional forgetting: current status and future prospects of research], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 31, no. 3, pp. 117–128.
- Propp V.Ia. (2013) *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of a fairy tale]. Moscow: Ripol Klassik.
- Ricœur P. (2004) *Pamiat', istoriia, zabvenie* [La mémoire, l'histoire, l'oubli]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury.
- Soldatova G.U., Shaigerova L.A. (2002) Chelovek v ekstremal'nykh usloviakh. Psikhologicheskaiia adaptatsiia vynuzhdennykh migrantov [Psychological adaptation of forced migrants], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 23, no. 4, pp. 66–82.
- Trufanova E. (2020) Individualnaia i kollektivnaia pamiat': tochki peresecheniia [Individual and collective memory: intersection points], *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 18–22.
- Ufimtseva N.V. (2011) *Iazykovoie soznanie: dinamika i variativnost'* [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. Moscow: Institut iazykoznaniiia RAN.
- Formozov A.A. (2006) Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki. 2-e izd., dop. [Russian archeologists during the period of totalitarianism: Historiographical essays. 2nd ed., revised]. Moscow: Znuk.
- Freud Z. (1998) Vytesnenie [Verdrängung]. In: *Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhologii. Ocherk istorii psikhologii. Sbornik* [Fundamental psychological theories in psychoanalysis. Essay on the history of psychoanalysis]. St. Petersburg: Aleteia.
- Halbwachs M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamiati*. Per s fr. i vstup. stat'ia S.N. Zenkina [Les Cadres sociaux de la mémoire. Translated from French by S.N. Zenkin]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Cicero Marcus Tullius (2000) *O predelakh blaga i zla. Paradoksy stoikov* [On the limits of good and evil. The paradoxes of the Stoics]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.

- Schacter D. (2021) *Sem' grekhov pamiati: Kak nash mozg nas obmanyvaet* [The Seven Sins of Memory. How the Mind Forgets and Remembers]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
- Eco U. (2016) *Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovaniia znaka i interpretatsii* [Dall'albero Al Labirinto. Studi Storici Sul Sengo E L'interpretazione]. Moscow: Akademicheskii projekt.
- Anderson J.R., Schooler L.J. (1991) Reflections of the environment in memory, *Psychological science*, no. 2, pp. 396–408.
- Assmann J., Czaplicka J. (1995) Collective memory and cultural identity, *New German critique*, no. 65, pp. 125–133.
- Barnier A.J., Sutton J. (2008) From individual to collective memory: Theoretical and empirical perspectives, *Memory*, no. 16(3), pp. 177–182.
- Bartlett F.C. (1995) *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge University Press.
- Battaglia D. (1990) *On the bones of the serpent: person, memory, and mortality in Sabarl Island society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bellelli G., Curci A., Leone G. (2007) Social and cognitive determinants of collective memory for public events. In: *Cambridge handbook of sociocultural psychology* / J. Valsiner, A. Rosa (eds.). Cambridge University Press, pp. 625–644.
- Bjork R.A. (1989) Retrieval inhibition as an adaptive mechanism in human memory. In: *Varieties of memory and consciousness: Essays in honour of Endel Tulving* / H.L. III Roediger, F.I.M. Craik (eds.). Lawrence Erlbaum Associates, pp. 309–330.
- Carroll P.M. (2011) Memoria and Damatio Memoriae. Preserving and erasing identities in Roman funerary commemoration. In: *Living through the Dead: Burial and commemoration in the Classical world. Studies in Funerary Archaeology* / P. M. Carroll, J. Rempel (eds.). Oxbow, Oxford, pp. 65–90.
- Carruthers M. J. (2009) Ars oblivionalis, ars inveniendi: The Cherub Figure and the Arts of Memory, *Gesta*, Vol. 48, no. 2, pp. 99–117.
- Chance Z., Norton M. I. (2008) Decision amnesia: Why taking your time leads to forgetting, *Advances in Consumer Research*, no. 35, pp. 55–58.
- Connerton P. (2008) Seven types of forgetting, *Memory studies*, no. 1(1), pp. 59–71.
- Fawcett J.M., Hulbert J.C. (2020) The Many Faces of Forgetting: Toward a Constructive View of Forgetting in Everyday Life, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, no. 9(1), pp. 1–18.
- Forty A. (1999) Introduction: The art of forgetting. In: *The art of forgetting* / A. Forty, S. Küchler (eds.). Oxford: Berg, pp. 1–18.
- Funkenstein A. (1989) Collective memory and historical consciousness, *History and memory*, no. 1(1), pp. 5–26.
- Gedi N., Elam Y. (1996) Collective memory—what is it?, *History and memory*, no. 8(1), pp. 30–50.
- Green A. (2004) Individual remembering and 'collective memory': Theoretical presuppositions and contemporary debates, *Oral History*, no. 32(2), pp. 35–44.
- Hirst W. (2020) Is Collective Forgetting Virtuous?, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, no. 9(1), pp. 37–41.
- Hirst W., Yamashiro J.K., Coman, A. (2018) Collective memory from a psychological perspective, *Trends in cognitive sciences*, no. 22(5), pp. 438–451.
- Hirst W., Echterhoff G. (2012) Remembering in conversations: The social sharing and reshaping of memories, *Annual review of psychology*, no. 63, pp. 55–79.
- Kansteiner W. (2002) Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies, *History and theory*, no. 41(2), pp. 179–197.
- Karpicke J.D., Coverdale M.E. (2020) The Adaptive Value of Forgetting: A Direction for Future Research, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, no. 9(1), pp. 33–36.
- Kelleher M. (2002) Hunger and history: Monuments to the Great Irish Famine, *Textual Practice*, no. 16(2), pp. 249–276.

- Küchler S. (2002) *Malanggan: Art, Memory, and Sacrifice*. London and New York: Routledge.
- Michaelian K. (2011) The epistemology of forgetting, *Erkenntnis*, no. 74(3), pp. 399–424.
- Moliner P., Bovina I.B. (2020) On Serge Moscovici's 95th anniversary: The theory of social representations-history, postulates and dissemination, *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 17(3), pp. 542–553.
- Murayama K., Miyatsu T., Buchli D., Storm B.C. (2014) Forgetting as a consequence of retrieval: A meta-analytic review of retrieval-induced forgetting, *Psychological Bulletin*, no. 140(5), pp. 1383–1409.
- Nørby S. (2015) Why Forget? On the Adaptive Value of Memory Loss, *Perspectives on Psychological Science*, no. 10(5), pp. 551–578.
- Nørby S. (2020) Varieties of graded forgetting, *Consciousness and Cognition*, no. 84 (102983), pp. 1–12.
- Nourkova V.V., Gofman A.A., Kozlov M.D. (2018) On the very-long-term effect of managing one's own memory: The intention to forget improves recognition after a year's delay, *Europe's Journal of Psychology*, no. 14(4), pp. 776–791.
- Nourkova V.V., Vasilenko D.A. (2018) On the advantage of autobiographical memory pliability: implantation of positive self-defining memories reduces trait anxiety, *Memory*, Vol. 26, no. 7, pp. 869–881.
- Olick J.K. (1999) Collective memory: The two cultures, *Sociological theory*, no. 17(3), pp. 333–348.
- Rieff D. (2016) Against Remembrance. In: *Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies* / D. Rieff (ed.). New Haven: Yale University Press, pp. 127–145.
- Smith S.M. (2010) Blocking Out Blocks: Adaptive Forgetting of Fixation in Memory, Problem Solving, and Creative Ideation. In: *Successful Remembering and Successful Forgetting* / A.S. Benjamin (ed.). New York: Psychology Press, pp. 171–192.
- Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. (2011) Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips, *Science*, no. 333(6043), pp. 776–778.
- Storm B.C. (2010) Retrieval-induced forgetting and the resolution of competition. In: *Successful Remembering and Successful Forgetting* / A.S. Benjamin (ed.). New York, Psychology Press, pp. 107–124.
- Sutton J. (2008) Between individual and collective memory: Coordination, interaction, distribution, *Social research*, no. 75(1), pp. 23–48.
- Turkle S. (2011) What makes an object evocative? In: *Evocative objects: Things we think with* / S. Turkle (ed.). Cambridge: the MIT press, pp. 307–328.
- Vinitzky-Seroussi V., Teeger C. (2010) Unpacking the unspoken: Silence in collective memory and forgetting, *Social forces*, no. 88(3), pp. 1103–1122.
- Wertsch J.V. (2009) Collective memory. In: *Memory in mind and culture*. P. Boyer & J.V. Wertsch (Eds.), pp. 117–137.
- Wertsch J.V., Roediger III H.L. (2008) Collective memory: Conceptual foundations and theoretical approaches, *Memory*, no. 16(3), pp. 318–326.
- Wills C.W. (2008) White ignorance. In: *Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance* / R.N. Proctor, L. Schiebinger (eds.). Palo Alto, CA: Stanford University Press, pp. 230–249.

Сведения об авторах:

НУРКОВА Вероника Валерьевна – доктор психологических наук, доцент, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник, Институт общественных наук РАНХиГС (Москва, Россия). E-mail: Nourkova@mail.ru

ГОФМАН Алена Алексеевна – научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: gofmanalena@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Veronika V. Nourkova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Institute for Social Sciences RANEPA (Moscow, Russian Federation). E-mail: Nourkova@mail.ru

Alena A. Gofman, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: gofmanalena@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16 мая 2022 г.;
принята к публикации 15 июня 2022 г.*

*The article was submitted 16.05.2022;
accepted for publication 15.06.2022.*